

В. В. Быко́ня, Структурно-морфологическая система числительных и история ее формирования в диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1996.

5 декабря 1996 г. в Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Валентины Викторовны Быко́ня на тему «Структурно-морфологическая система числительных и история ее формирования в диалектах селькупского языка». Работа выполнена в Томском государственном педагогическом университете по специальности «Финно-угорские и самодийские языки». Официальными оппонентами на защите выступили доктора филологических наук А. И. Кузнецова, Н. И. Исанбаев и Г. И. Лаврентьев; внешний отзыв получен из Института филологии Сибирского отделения РАН.

Число, счет, количество и порядок считааемых предметов... Эта проблема интересовала людей не только в древнем мире (в Ассирии-Вавилонии, Египте, Греции, Риме), но и в первобытном обществе, от которого до наших дней не дошло никаких письменных свидетельств. Имеются только косвенные данные, по которым современные лингвисты, философы, историки пытаются воссоздать начала начал: происхождение числа и системы счета у древних жителей Земли, происхождение числительных. Интерес к этой проблематике у лингвистов (в том числе — в уральстике) не ослабевает весь XX в. Совсем недавно (в 1993 г.) появилась монография Л. Хонти о числительных в финно-угорских и самодийских языках, и вот уже перед нами новый труд во многом с новыми взглядами на старые вопросы — исследование В. В. Быко́ня.

Работа имеет междисциплинарный характер: в ней трудно провести грань между этнокультурным, эзотерическим и лингвистическим подходами, а внутри лингвистического анализа нелегко разграничить синхронный, диахронный, этимологический и даже типологический подходы. И это естественно: при изучении и ст о р и и ф о р м и р о в а н и я системы числительных иначе действовать нельзя.

Цель, стоявшая перед автором, — дать структурно-морфологическое описание системы числительных в диалектах селькупского языка и выяснить историю форми-

рования числительных, воссоздав при этом «концептуальную картину мира древних селькупов, истоки зарождения их познавательной деятельности» (с. 10). Поставленные цели реализуются в ходе решения следующих девяти задач, которые предполагают «1) этимологический анализ корневых числительных; 2) историко-этимологическую интерпретацию моделей сложных числительных и выявление причин, вызвавших изменения в рамках моделей; 3) характеристику составных числительных; 4) определение морфолого-синтаксических особенностей количественных числительных; 5) выявление структурных типов порядковых числительных и анализ их суффиксально-формирования; 6) описание словообразовательных приемов собирательных числительных в свете исторических преобразований; 7) установление внутрисистемных связей числовых наименований первого десятка и начальных этапов в становлении счета; 8) анализ суффиксальных элементов, вошедших в структуру корневых числительных; 9) определение символики чисел в картине мира древних селькупов» (с. 11). Эти задачи можно свести к трем более крупным: 1) собственно лингвистический (историко-этимологический, синхронно-типологический и структурно-морфологический) анализ системы селькупских числительных; 2) исследование числовой символики в картине мира древних селькупов и 3) логико-грамматическая интерпретация языковых фактов.

Работа состоит из «Введения», семи глав и «Заключения». Завершает ее «Приложение», содержащее таблицы с анализируемыми в работе числительными, размещенными по диалектам, говорам и населенным пунктам. Изложение материала четко и логично.

Во «Введении» (с. 4—25) говорится о цели и задачах работы, ее актуальности и новизне, об объекте и методах исследования. Исследование идет в двух направлениях: с одной стороны, с помощью сравнительно-исторического метода от современного состояния языка к первоначальному;

с другой — от первых письменных фиксаций в XVIII в. к современному состоянию, что позволяет говорить об истории развития числительных. Среди методов назван и метод лингвогеографии, хотя результаты, которые могли бы быть получены при его использовании, не приводятся: нет изоглосс, показывающих распространение того или иного фонетического варианта числительных или модели образования сложных числительных; не применяются и способы картографирования в этих же целях и т.п. Во второй части «Введения» обсуждается вопрос о выделении имени числительного в самостоятельную часть речи в основном с учетом смыслового и морфологического критериев, на которых В. В. Быконя останавливается очень подробно, и в меньшей мере — синтаксического.

Глава I (с. 26—112) «Количественные числительные с корневой основой» содержит скрупулезный анализ чисел базового ряда (от 1 до 7 включительно), а также 10 и 100. Анализ проводится с этимологической точки зрения, с точки зрения морфемной структуры и словообразовательных потенций основ. Особенно подробно рассматривается формирование числительных *okjir/ukkjir* 'один' (и другие его варианты) и *šitj/sittj* и др. 'два'. Автор обсуждает множество точек зрения на происхождение числительных cardinalia (списк цитируемой литературы содержит около 280 наименований), отвергает одни, принимает другие, иногда предлагает собственные. Рассмотрение числительного 'один' выходит за рамки анализа, намеченного автором: проследив путь становления числительного *okjir/ukkjir* от этимологического корня *o- : *deg. *op-* и характер семантического осмысления этого корня как 'единство, нечто целое' (что относится к самому человеку, сам человек), В. В. Быконя обращается к изучению функционально-семантического поля «единства, единичности, постоянства», членами которого (помимо числительного со значением 'один') являются его производные типа *okkjršak, ukkjrna* и т.д. с разными значениями в различных диалектах, а также слова *pele* 'половина', *pelgalk* 'один, в одиночку', *talgalk* 'один', *köl, kəl, kil* 'один раз, один', появившиеся в определенной исторической последовательности (с. 40). Столь же подробно и в том же плане (от этимологии через описание морфемной

структуры к семантическому осмыслению) анализируются и остальные простые по форме количественные числительные первого десятка (без числительных 'восемь' и 'девять') и числительное 'сто'.

В качестве итога первой главы В. В. Быконя приводит следующие результаты семантического осмысления корневых числительных, основанные на выявлении возможных ассоциативных связей и на внутренней логике: «числительное *okjir* 'один' — это 'Единое Начало'; *šitj* 'два' соотносится с понятиями 'разделение, тень, призрак'; *nagur* 'три' находится в тесной связи с понятием 'средний'; *tettj* 'четыре' имеет прообразом 'кулак'; *sombjlä* 'пять' олицетворяет «связь с иным миром, осуществляемую посредством звуков» (связующим звеном служит рука); *muktj* 'шесть' предполагает действие, направленное на палец; *sel'ci* 'семь' не имеет соотносительных основ; *köt* 'десять' символизирует переход души в другое состояние под воздействием звуков; *tot* 'сто' обозначает 'число', 'рубеж'» (с. 112). В дальнейшем, когда речь заходит о системных связях числовых обозначений первого десятка (с. 257—259), прообразы чисел уточняются, конкретизируются.

В главе II (с. 113—162) описываются и анализируются количественные числительные сложной структуры, т.е. 'восемь' и 'девять', и числительные ряда '20...90'. На примере числительных *sitčantjököt/sittjčaköt* и т.п. 'восемь' и *okkjrca:ntjököt* и т.п. 'девять' автор, рассматривая многочисленные фонетические варианты по диалектам, показывает, что в разные исторические периоды функционирования селькупского языка структура числительных изменялась, была то двух-, то трехкомпонентной, что по-разному реализовалось в разных диалектах. Так, для числительного '8' отмечаются модели '2 отсутствующий 10' и '2 отсутствует'. В остальных самодийских языках формирование образа числа '8' как (2 x 4) связано с участием пальцев на обеих руках, т.е. два кулака (при этом большие пальцы не загнуты). Подобная связь числительных с соматическими терминами вполне обоснованно устанавливается при семантических реконструкциях в этимологии. Селькупская инновация приходится, по мнению автора, на время отдельного от остальных самодийцев существования селькупских племен. Время ее появления

не конкретизируется. Модель построения числительного со значением 'девять', начиная с XIX в., во всех диалектах расщифровывается как '1 отсутствует 10' (и лишь изредка — '1 отсутствует' или даже '1—10'), хотя в материалах XVIII в. числительное 'девять' имело иной характер осмысления: его внутренняя форма была как '1 с 10' или 'с 1 лишним — 10'.

Наименование десятков от '20' до '90' моделируется в диалектах по двум основным схемам — умножение (наименование единицы + 'десять') и вычитание, применимое лишь к образованию '90' и '80' ('десять' или 'двадцать' + 'отсутствующий', обычно в сокращенном виде, + 'сто'). Первая модель (мультипликация) имеет разновидности: в качестве второго компонента может выступать *köt* 'десять' или суффиксоид *sar* < *sarj̄m* (таз. *sārj̄n*) 'связка' (первоначально, как утверждает автор, 'связка шкурок десятками'); появляются многочисленные варианты: с одной стороны, *nak-sārj̄m* или *naksar* (в разных диалектах) или *nārsaram*, *nārsār* (в одном диалекте), а с другой стороны, *nagur köd* (судя по приложению, только в среднеобских говорах Шешкум) со значением '30'. В говорах Чумылькуп (с. Напас) зафиксирована форма *naktštar* '30' (см. с. 338; ср. тым. *nak-star*, с. 145), где *star* < *štaro* < *šdaro* < *šidarō* (с. 144) < *šidj* + *sarj̄m/sar*, т.е. в свободном употреблении *štarō* означает '20' (напр., в говорах тымского диалекта, с. Пудино, с. 336). В качестве второго компонента при образовании десятков, как видно из примера с числительным '30', *štar* означает '10', сближаясь функционально с аффиксом *-sar*. По мнению автора, при образовании наименований десятков с компонентами то *štar/štaru*, то *sarj̄m* (с вариантами *sar*, *aru*, *a-ro* и др.), каждый из этих компонентов означает и 'десять', и 'двадцать'. Более того, в ряде говоров (чулымских и тымских) в результате редупликации корня со значением 'два' и прибавлением к нему в качестве второго компонента *štar* или *sar* возникают алогичные (на первый взгляд) наименования числительного '20': *šidä šödära*, *šetštar* (букв. 2 — 2 x 10) наряду с лексемой *sidaru* '20', которая, в свою очередь, тоже может в составных числительных, как считает автор, означать '10' (с. 145 и др.). Мне представляется возможной иная трактовка. В составных числительных и во вторых компо-

нентах сложных числительных происходило, по выражению У. Вейнрейха, «выветривание» первоначального числового значения и постепенно возникало значение 'единица счета' (независимо от количества шкурок или иных предметов в связке), подобно тому, как в русском языке *сорок* означало не только мешок (сорочку) с определенным количеством белок, но и — со временем — единицу счета при торговых операциях. Раз возникшая форма затем могла закрепиться в речевом узусе. Для окончательного решения данного вопроса необходим анализ подобных числительных в контекстах, а не в изолированном виде, как это в подавляющем большинстве случаев делает автор. К тому же, как пишет сама В.В. Быконя, возможна небрежность в употреблении числительных в современном селькупском языке, усиливающаяся под воздействием русского языка (к вопросу о возможной «небрежности» еще придется вернуться).

В главе III (с. 163—195) подробно описываются словообразовательные типы количественных числительных, представляющих собой составные образования от 11 до 19; рассматриваются числительные в промежутках между десятками и после 100, а также дробные. При анализе составных числительных промежуточных рядов автор отмечает большое нагромождение компонентов числовых обозначений (вплоть до пяти — см. примеры на с. 179), которое затрудняет процесс коммуникации, в связи с чем язык стремится упростить сложные формы. Отсюда — неустойчивость расположения компонентов в составе словоформы, деформированные и упрощенные звуковые формы и т.п. изменения на протяжении последних 150 лет. В. В. Быконя останавливается также на особенностях в системе числительных чаинского говора. По ее наблюдениям, в современных южных диалектах селькупского языка субтрактивные числительные исчезают. Система числительных второго десятка и промежуточных рядов в тазовском диалекте сохраняется без изменений (о чем, впрочем, надо говорить с осторожностью). Дробные числительные не выделяются автором в отдельный разряд, а входят в состав *cardinalia*. В. В. Быконя показывает, какими синтаксическими сочетаниями представлены дробные числительные (с. 182), встречающиеся крайне редко.

Грамматической характеристике количественных числительных посвящена глава IV (с. 183—195). Здесь говорится о различных видах синтаксических связей числительных с определяемым существительным, о синтаксических функциях *cardinalia*, а также о словоизменении количественных числительных и средствах выражения приблизительного счета, о структуре словосочетаний «числительное + нумератив». Термин «нумератив» понимается неоправданно широко: наряду со словами-нумеративами типа 'кусок, штука, раз', которые десемантизируются и часто соединяются с числительными при счете, встречаются слова с конкретными, часто терминологическими значениями, как *metr*, *čas*, *salkva* 'рубль, целковый' (с. 188), *pō* 'год', *kilogram* (с. 190), которые ни в коей мере нельзя назвать ни нумеративами, ни счетными словами с «выветрившейся» семантикой.

Порядковые числительные анализируются в главе V (с. 196—227), а собирательные в главе VI (с. 228—255). Автор проводит структурно-словообразовательный анализ порядковых числительных, собранных по разным диалектам и в разные исторические периоды, этимологизирует суффиксы *ordinalia*, особо рассматривает числительные 'первый' и 'второй', говорит об особенностях и функциях порядковых числительных. При анализе числительных *collectiva* рассматриваются различные грамматические средства, используемые для выражения собирательности: суффиксы лица, двойственного числа. Помимо синтетических, описываются и аналитические формы *collectiva*, рассказывается об их употреблении.

Наконец, в главе VII (с. 256—287) создается завлекательная, не всегда бесспорная «картина мира в семантике числительных и в символике чисел» (так называется последняя глава работы).

Касаясь системных связей числовых обозначений первого десятка, В. В. Быконя уточняет высказанные ранее (с. 112) свои соображения по этому поводу. Выявление внутрисистемных связей числительных привело ее к необходимости решения новых проблем — к выделению ступеней в развитии счета и установлению способов выражения количественных понятий. Автор обнаруживает четыре параллельных наименования числа '10'. По ее мнению, «в

праселькупском в качестве эквивалента определенного множества выступали 10 пальцев» (с. 273) и «система счета древних самодийцев изначально была десятичной», а «следов какого-либо иного счета (четверичного, семиричного, восьмиричного)» (с. 286) не обнаруживается. Сразу напрашивается вопрос: для какого или каких периодов счисление было десятичным? И нельзя ли в этой связи истолковать утверждение о том, что «в счетном ряду, записанном у ряда информантов (не известно, правда, скольких — А. К.), '9' следует за '7-ью» (с. 130), не как «допускаемую при счете небрежность» (с. 130), а как именно следы иного счета — семиричного или восьмиричного? И в древности, и в более поздние периоды в языках могли сосуществовать разные системы счисления. Известно, например, что в Вавилоне при десятиричной системе счета была распространена и 60-тиричная система (возможно, одновременно с ней!), следы которой сохранились в делении часа и градуса на 60 минут, а минуты — на 60 секунд. Точно так же в русском языке выражение «за тридевять земель, в тридевятое царство» и т. д. не исключает счет десятками, но намекает на возможность счисления когда-то девятками. А в селькупском языке в 1930-е годы Г. Н. Прокофьев зафиксировал числительное '8' в виде *s'itty tett*, что указывает на возможность счета четверками и у селькупов. Кстати, и сама В. В. Быконя говорит о современной модели образования селькупского числительного '8' как инновации (с. 125), о чем уже упоминалось. Инновации присутствуют в селькупских диалектах не только по отношению к другим самодийским языкам, но и по отношению друг к другу, что свидетельствует об обособленном развитии диалектов друг от друга после распада селькупской общины.

Весь ход рассуждений автора приводит к выводу о том, что «к обособлению числительных привел счет на руках и ногах. Человек был начальной точкой отсчета, и счет осуществлялся по частям человеческого тела» (с. 262), по количествам-совкупностям «пальцев рук» и «пальцев рук и ног», которые стали прообразами числительных '10' и '20'. В акте создания своих языков человеческие общества были вынуждены делать обобщения, т. е. вводить одно слово для обозначения сразу нескольких

различных предметов и употреблять символы; словесный символизм мог быть источником и заблуждения, и познания. В. В. Быконя обращается и к материалам селькупского фольклора, помогающим ей установить символику чисел базового ряда. Интерпретации, предложенные ею, очень интересны, хотя не со всеми можно согласиться. Это первая попытка дать законченное семантическое осмысление в историко-этимологическом плане числительных в селькупском языке.

В «Заключении» (с. 288—298) автор подытоживает все изложенное, причем снова, но в более конкретизированном виде дает расшифровку корневых числительных первого десятка (с. 289). Четко сформулирован вывод: «В период распада уральской языковой общности числительных не было, как таковые они отсутствовали и в прас-

модийский период. Но были корни, которые впоследствии легли в основу числовых обозначений» (с. 297). Вряд ли на данном этапе развития лингвистики можно сказать, когда именно появились числительные в селькупском языке.

Проведенный анализ числительных позволил автору утверждать, что «на смену первоначальному монистическому представлению о мире пришло дуалистическое. Древнее двойное представление проявляется на лексико-семантическом и грамматическом уровнях языка. Троичность строения лежит в основе картины мира, она присутствует в мифологии, фольклоре и выражается в словаре» (с. 298).

Работа В. В. Быконя представляет собой значительное явление в современной уралистике, в связи с чем желательна (после некоторой доработки) ее публикация.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТРУКТУРА И РАЗВИТИЕ ВОЛЖСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ»

Первый научный симпозиум, посвященный проблемам волжско-финских языков, состоялся в г. Турку (Финляндия) 1—2 сентября 1993 года. Он проводился в рамках программы сотрудничества кафедр финно-угорских языков Туркуского и Марийского университетов, а также кафедр эрзянского и мокшанского языков Мордовского университета. В настоящее время международное сотрудничество между этими кафедрами возглавляет неофициальный координационный совет по изучению волжско-финских языков, в состав которого входят с финской стороны — профессор А. Алхониemi (председатель совета), доктор философии С. Сааринен, лицензиат Й. Луутонен, исследователь А. Мойсио, с марийской стороны — профессор Ю. В. Андуганов и с мордовской стороны — профессор М. В. Мосин. За период сотрудничества учеными трех вузов сделано немало. Так, составлены и опубликованы двуязычные словари: "Marilais-suomalainen sanakirja" (Turku 1992, 426 с.), «Марла-финнла мутер» (Йошкар-Ола 1994, 426 с.), "Suomalais-marilainen sanakirja" (Turku 1995, 620 с.) и «Эрзянь-

финнень валкс» (Саранск 1996, 207 с.). В настоящее время готовится к изданию мокшанско-финский словарь. В лексикографической работе участвовали с финской стороны А. Мойсио, Я. Ниemi; с марийской стороны — И. С. Галкин, В. Н. Васильев, а с мордовской стороны — М. В. Мосин, А. П. Феоктистов, Н. А. Агафонова, аспирантка В. К. Маркина.

На первом симпозиуме руководители трех делегаций (Финляндии, Республик Марий Эл и Мордовии) договорились провести следующую конференцию по волжско-финским языкам в столице Республики Марий Эл — г. Йошкар-Оле. Организацию конференции взяли на себя Марийский государственный университет и Научный центр финно-угроведения при Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В. М. Васильева. Поддержку мероприятию оказало Правительство Республики Марий Эл.

Международная научная конференция «Структура и развитие волжско-финских языков» проходила с 7 по 10 октября 1996 года в г. Йошкар-Оле. Основная нагрузка